

22 ОКТЯБРЯ

ВСЕ О ТЕЛЕВИДЕНИИ НА

ОКТЯБРЯ

ТВ ПАРК

с. 22 ФЕСТИВАЛИ ШОКОЛАДА –
ТУРИСТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ
СЛАДКОЕЖЕК

с. 84 40 ЛЕТ ХОККЕЙНОЙ
СУПЕРСЕРИИ
СССР – КАНАДА

с. 88 «МЫ ИЗ БИТБОКСА»
ВАХТАНГ
КАЛАНДАДЗЕ,
ИВАН
ВЛАСКМАНН,
ИЛЬЯ ИВАНОВ

с. 18 ДЖОЗЕФ
ГОРДОН-ЛЕВИТТ
МОЛОДАЯ ВЕРСИЯ
БРЮСА УИЛЛИСА

ДМИТРИЮ ХВОРОСТОВСКОМУ – 50:
В РОССИИ Я В ГОСТЯХ, МОЙ ДОМ В ЛОНДОНЕ с. 8

№ 43 (964) ОКТЯБРЬ 2012

WWW.TV-PARK.RU

16+

ЛИЦО НЕДЕЛИ

«Когда вспоминаю свою жизнь в Красноярске, мне кажется, что это было не со мной, а с кем-то другим. Будто я в книжке прочитал про этого человека — настолько все далеко... Многие люди, знавшие меня раньше, пытаются и сейчас общаться со мной «тамошним». А я иногда и не помню их. Наверное, многие обижаются. Но где бы я ни находился, я остаюсь прежде всего русским человеком»
Дмитрий Хворостовский

**ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ.
ЧЕСТОЛЮБИВЫЙ, НО НЕ ТЩЕСЛАВНЫЙ**

Имя: Дмитрий Александрович Хворостовский
Дата рождения: 16 октября 1962 года
Место рождения: город Красноярск
Семья: отец Александр Степанович, мать Людмила Петровна, жена Флоранс Хворостовская (певица), дети — сын Максим (2003), дочь Нина (2007), близнецы Александр и Данила (1996) от первого брака.
Образование: Красноярское педагогическое училище имени Горького и Красноярский институт искусств
Профессия: оперный певец
Награды: победитель международного конкурса в Кардиффе (Великобритания, 1989), заслуженный артист РСФСР (1990), народный артист Российской Федерации (2006), Opera News Award за вклад в развитие оперного искусства (2012)

Школьные годы

Бархатный баритон Дмитрия Хворостовского сегодня знает почти весь мир. Он давно не живет в России, но по-прежнему считает себя русским, хотя улыбка у него не русская — голливудская. В детстве ему казалось, что в 50 лет он будет уже очень стар. Сегодня Хворостовский, спортивный, мускулистый, уверенный в себе, успешный и счастливый, и правда — superstar.

— Дмитрий, вы уже много лет являетесь олицетворением русского искусства на Западе. Это же огромная ответственность...

— Скорее всего, это подарок... Это тот аванс, который дается тебе в самом начале и который нужно оправдать. Взлетают многие, но немногие остаются на небосклоне. Можно сказать, что воды становится все больше, а прекрасных островков все меньше. Но культуру необходимо сохранять! Конечно, один в поле не воин, но какие-то элементарные вещи нужно делать. Главное, нужно быть увлеченным тем, что делаешь.

— Какими же качествами нужно обладать, чтобы посто-

янно удерживаться на вершине, помимо профессионализма, музыкальных данных, интересной внешности?

— Нужно обладать чутьем, чтобы селективно относиться ко всем предложениям. Необходимо упорство, а в моем случае даже, наверное, упрямство. Честолюбие тоже важно, но не тщеславие.

— Вы считаете, артист не должен быть тщеславным?

— Тщеславие ни в коем случае не является положительным качеством. Настоящий человек должен быть мудрым. Люди, которые расталкивают остальных локтями в борьбе за свое место, просто реализуют какие-то комплексы, они не вызывают уважения. Оглядываясь

«В то время я был очень уверен в себе...»

назад, я понимаю, что все взлеты и падения, все заблуждения, которыми я увлекался, разочарования — всему этому я причиной и я виной.

— А кто причиной самому началу ваших занятий музыкой? Как и большинство детей, наверное, родители заставляли?

— Я родился и вырос в музыкальной семье, поэтому музыка меня окружала с самых первых дней моего появления на свет. Не помню точно, когда я начал петь, но играть на инструменте я всегда очень стремился. Мой отец — прекрасный пианист-любитель, он постоянно занимался, но до какого-то вре-

С педагогом
Екатериной
Иофель

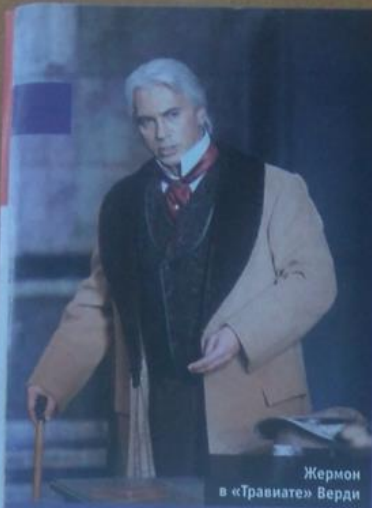

С Ириной Архиповой

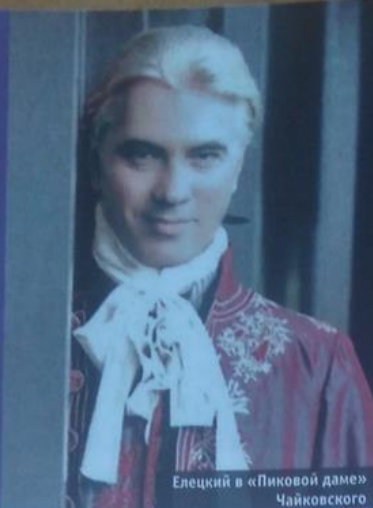

С Лучано Паваротти

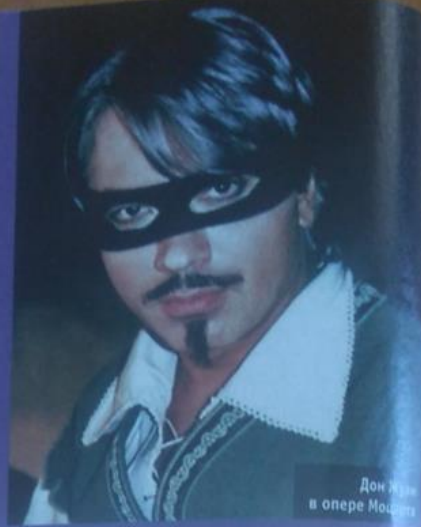

Жермон
в «Травиате» Верди

Елецкий в «Пиковой даме»
Чайковского

Дон Жуан
в опере Моцарта

мени меня к роялю не подпускал, не позволяя просто брэнчать. Было разрешено касаться инструмента, только если я буду серьезно заниматься музыкой. И я стал заниматься. А пение всегда было особенным процессом для меня, глубоким и интимным, поэтому пел я всегда для себя. Родители были очень сильно заняты, работали чуть ли не в две смены, мама у меня врач, а папа инженер, у нас не было своего жилья, и я постоянно рос у бабушки. И бабушка — это необычайный кладезь песен, сказок, всего фольклора. Поэтому я впитал обе традиции — классическую от родителей и фольклор, популярные песни, песни военных лет — от бабушки. До определенного времени у меня даже был интересный выговор, я говорил не плохо, но очень

втиевато, как в сказках рассказывается. Один раз родители решили устроить эксперимент: попросили нас с двоюродным братом рассказать историю, как мы ходили в лес по грибы. Когда рассказывал я, они смеялись так, что хватались за животики, потому что говорил я именно таким, сказочным языком: «Как выйдешь на поляну, а там — грибов видимо-невидимо...» Иногда бабушка заставляла меня петь. Когда мы пели с ней вместе вдвоем, это было прекрасно. Но она работала портнихой и шила на дому, и когда к ней приходили люди, она в качестве местного чуда показывала меня. Она говорила: «Вставай на стул и пой!» И даже если я не хотел, заставляла петь. И я обязательно должен был каким-то образом себя пересилить. Для меня спеть

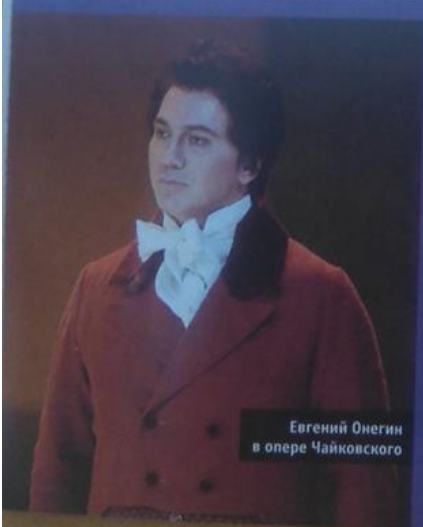
просто так очень сложно до сих пор, например, за столом — открыть рот и спеть, чтобы эмоционально взлететь над реальностью и над землей.

— Разве профессионалы не должны уметь «вызывать» вдохновение по заказу?

— Конечно, это культивируется, профессионалы должны уметь делать все, но в бытовой обстановке мне до сих пор это сложно. В музыкальной школе я вообще почему-то понял, что я совершенно бесталаный, хотя щелкал как орешки все, что касалось слуха, памяти, музыкальных данных. Единственное, что давалось мне нелегко, — это гармония, но с сольфеджио благодаря великолепному слуху проблем не было, да и пианистический аппарат у меня был хороший. Но учительница буквально держала меня в чер-

ном теле и практически отбила желание играть. Настоящей школой для меня стали залыси. Я слушал очень много музыки, пел наедине с собой. У нас был простенький проигрыватель «Аккорд», и позже, уже в училище, я большую часть стипендии тратил на грампластинки. Но и благодарности многим людям у меня хоть отбавляй. Екатерина Константиновна Иоффель воспитала меня как исполнителя и приучила ничего не делать просто так, все пропускать через сердце и через ум. И, конечно, Ирина Архипова, которая сыграла огромную роль в моей судьбе.

— Именно Архипова убедил вас поехать на конкурс в Кардифф, ставший поворотным моментом в вашей карьере? Насколько я знаю, вы даже ехать туда не хотели...

Евгений Онегин
в опере Чайковского

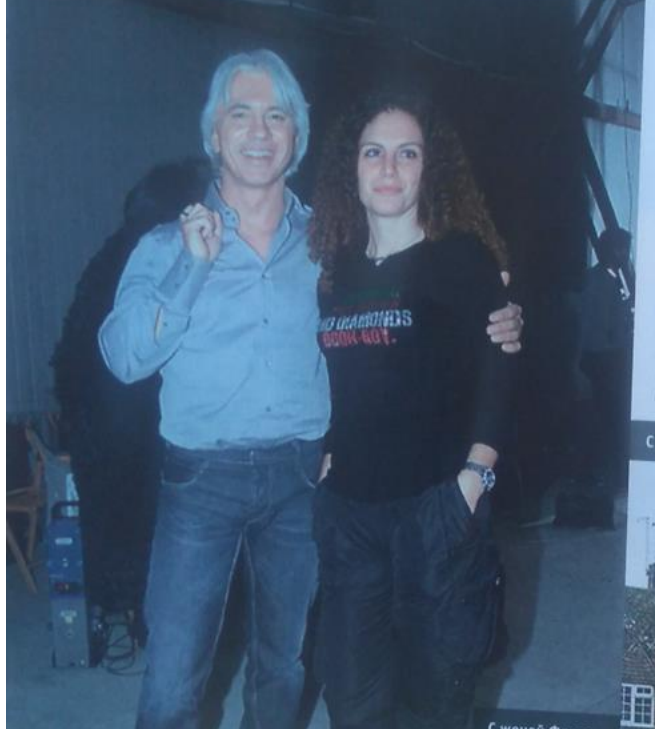
Риголетто
в опере Верди

Валентин
в «Фаусте» Гюно

С родителями Александром Степановичем и Людмилой Петровной

С женой Флоранс

По словам Дмитрия, у сына Максима определенно есть актерский талант

С дочерью Ниной

— Сначала Ирина Архипова была председателем жюри на конкурсе Глинки, где я победил. Она ко мне очень внимательно и благосклонно относилась. На конкурс в Кардифф она практически привела меня за руку. Я хотел ехать в Барселону на конкурс, который был более популярен среди нас, студентов, и призовой фонд там был больше. Но у Ирины Константиновны было потрясающее чутье, она понимала, что телевидение — это великая вещь, ведь Кардиффский конкурс «Певец мира» транслировался по каналу ВВС. Она мне сказала: «Дима, надо! Это телевизионный конкурс, ВВС покажет его в прямом эфире по всему миру. У тебя есть весь комплекс данных, никого другого от России отправить туда не могу. Даже не раздумывай», — и убедила меня поехать, хотя я действительно сначала отказывался.

— Помните свои ощущения после победы?

— Победив в Кардиффе, я практически проснулся знаменитым. После первого тура мы уже ужинали с менеджером

Марком Хилдрю, а на следующий день после победы на конкурсе мы поехали на многочисленные прослушивания и там же я подписал контракт с звукозаписывающей компанией Philips Classics. Через один-два дня я давал большие интервью, снимался в фотосессиях. Все понеслось с бешеной скоростью. Помню, получил премию, я поехал в Лондон, чтобы посмотреть спектакль «Губендур» в Ковент-Гардене. В сам театр я не попал, но на площади около театра был установлен большой экран, на котором шла опера. И люди там меня узнавали, просили автограф. Это удивительно! Но в то время я был очень в себе уверен (улыбается).

— У вас нет желания заняться преподаванием, чтобы передать свой опыт молодому поколению?

— Пока некогда. Нужно отдавать себе отчет, что преподавание — это тоже огромная ответственность. Возможно, когда-то я и буду профессором, но пока что концерты, записи и спектакли расписаны на несколько

ко лет вперед. Хотя опыт преподавания у меня есть. В училище я учился как дирижер-хоровик и педагог, и практику мы проходили в школах и детских садах, там я и познал нашу систему образования. На втором курсе я проходил практику в детском саду: линейка, зарядочка, как птичка поет, как медведь рычит — казалось бы, что там можно сделать? Тем не менее на моих глазах происходило удивительное «рождение» многих детей, когда они начинали петь, у них развивался музыкальный слух, они знакомились с музыкой и увлекались этим. То же самое было в общеобразовательной школе, когда у меня была практика в 8-м классе. Мне было 16, моим ученикам по 14–15, я понимал, что на уроках они все скучают и хихикают между собой. А по программе у нас как раз была тема «Опера». Недолго думая, я подготовил несколько оперных арий, и прямо в классе сыграл их и спел. Боже, что тут началось! Эти девушки ходили за мной толпой и просили, чтобы я с ними индивидуально позанимался вокалом. Тогда я сделал из них вокальный ансамбль, и они выступали на всех праздниках. Честно говоря, не знаю, что случилось с ними дальше, но уверен, что кто-то из них продолжил заниматься музыкой. Эти этапы музыкального воспитания очень важны — от самых яслей до школы. Но нужно, чтобы в каждом учреждении был увлеченный педагог, который мог бы своей страстью к музыке заразить и детей.

— Для детей, наверное, вы папа-праздник?

— Когда мы вместе проводим время, конечно, это праздник. Мы с женой стараемся планировать мою жизнь так, чтобы бывать вместе как можно чаще. Они посмотрели уже почти весь мир и в Москве, конечно, тоже бывают.

— Считается, что с возрастом люди начинают больше тосковать по родине — по березкам и подмосковным вечерам... А вы тоскуете?

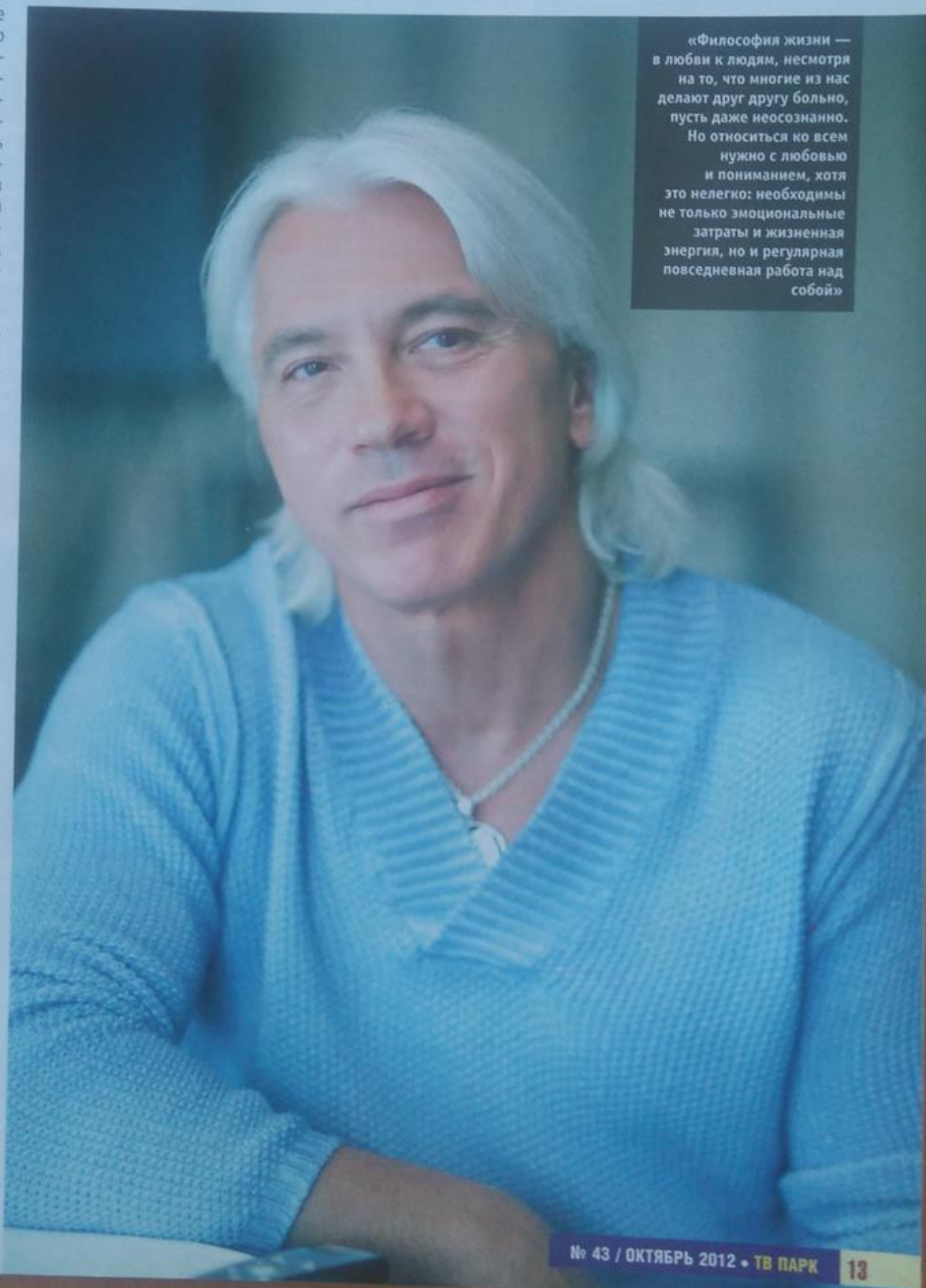
— Все-таки я здесь в гостях. У меня практически нет друзей в России. Я достаточно часто бываю в России, моя жена выу-

чила русский язык, и дети говорят по-русски. Здесь живут мои родители, и я к ним приезжаю. Но живу все равно в гостиницах, у родителей не очень большая квартира, да и я уже привык к гостиницам. Мой дом — в Лондоне, хотя, конечно, я бываю там не так часто, как хотелось бы. Я соглашаюсь на любые постанов-

ки в Ковент-Гардене, чтобы хоть месяц-полтора спокойно побыть дома, пока идет подготовка к спектаклю. Правда, последний раз это было в прошлом году, а в этом сезоне я занят в других проектах. В ближайшее время буду петь в Нью-Йорке в опере Верди «Бал-маскарад», кстати с недавнего времени прямые трансляции

из «Метрополитен Опера» можно увидеть в кинотеатрах Москвы. Затем будет ряд концертов в России — в Саратове, Самаре, Нижнем Новгороде, Уфе, Санкт-Петербурге и Москве, где 26 января в Кремле состоится юбилейный концерт с участием моих друзей — звезд оперной сцены. ■

Беседовала Анира Рацер

«Философия жизни — в любви к людям, несмотря на то, что многие из нас делают друг другу больно, пусть даже неосознанно. Но относиться ко всем нужно с любовью и пониманием, хотя это нелегко: необходимы не только эмоциональные затраты и жизненная энергия, но и регулярная повседневная работа над собой»

